

РЕЦЕНЗИИ

NARTAMONGÆ. Журнал алано-осетинских исследований: эпос, мифология, язык. Владикавказ/ Dzaæwdžyqæw – Париж. Том 1, 2002. № 1. 168 с.

Мы приветствуем рождение этого нового журнала, поскольку он отвечает сегодняшним исследовательским потребностям. Нехватка подобного рода издания уже давно ощущалась такими учеными, как В. И. Абаев (к сожалению скончавшийся в 2001 году), Р. Эммерик, Е. К. Полومه (которых уже тоже нет с нами). Данный журнал является плодом сотрудничества между Францией и Россией в лице его соиздателей, Франсуа Корнильо и Виталия Гусалова, соответственно парижского и владикавказского профессоров. Подзаголовок ясно определяет цель этого издания: доводить до сведения интересующихся результаты изучения истории, культуры, языка древних иранцев – евразийских кочевников, ставших впоследствии осетинами, потомками скифской ветви аланов (от существительного, родственного наименованию арийцев – *Ārya-*, и еще точнее, на наш взгляд, – санскритскому *āraṇa-*, имени, которым некоторые носители индо-европейского языка обозначали себя как завоевателей, «пришедших из другой, далекой земли» (ср. также галльское *Allo-broges*).

В. И. Абаеву принадлежит признанный синтез истории аланов: в I в. н.э. осетины были скифским племенем, проживавшим на территории от Дона до Азовского моря; позже, в IV-V вв., в результате великого переселения народов часть их оказалась во Франции и в Испании. Те же, кто остался в предгорьях Кавказа, основали мощное феодальное государство, в X в. обратились в христианство и установили активные взаимоотношения с Византией, Грузией и Киевской Русью. Однако в результате татаро-монгольских набегов и завоевательных походов Тамерлана немалая доля популяции была истреблена, в то время как другая часть аланов дошла до Венгрии, где они и обосновались на многие века, некоторое их число присоединилось к татаро-монголам и бесследно рассеялось по миру. Таким образом, от необъятной империи скифов осталась только небольшая группа осетин, выжившая в XVIII в. в горных ущельях Кавказа. Об их истории мы располагаем тремя типами свидетельств: их народный эпос – эпос о Нартах; их язык – в его современном

состоянии и древние наименования, в особенности этнические и топонимические термины; труды древних историков, и в первую очередь Геродота, приводимый далее текст которого как бы перекликается с названием журнала – **Наргамонгæ** – «кубок нартов» (История 4, 66): «Раз в год предводители, каждый в своем поселении, готовят чан вина, разведенного водой; этим вином потчуют тех Скифов, кто убил врагов; те же, кто не отличился храбростью, не прикасаются к вину и остаются сидеть поодаль, без почестей; и это для них страшный позор; напротив, те, кто убил огромное число врагов, получают два кубка сразу, которые они опустошают глоток за глотком» (этот отрывок следует за одним из тех, где Геродот описывает нам жестокость скифов, отсекавших головы, чтобы изготовить себе кубки, и сдиравших с людей кожу, которая служила покрытием для их колчанов (Геродот, 4, 64-65)).

Первый материал в журнале – статья В. И. Абаева «Осетины: скифы 21-го века»; она посвящена эпосу о Нартах с его циклами, сюжетами, героями и тому, что мы можем извлечь из эпической ткани для познания материальной и духовной культуры осетин.

Эти размышления нашли продолжение в статье Дмитрия Раевского «Культурные клише скифов: возможности толкования», где автор очень убедительно показывает пути интерпретации совершенно реальных этнологических данных (таких, как структурирующие общество воинов воз-

растные разряды), фактов, точно зафиксированных, но не понятых древними историками, например, Геродотом, Трогом, Помпеем, Полиеном.

Около трети объема журнала занимает статья Франсуа Корнильо «Мифические корни наименования нартов». Автор отталкивается от осетинского наименования «святого», *was*, рассматривая его как аферетическую форму (т.е. форму с начальным усечением) от того, что по-авестийски звучало как *hvacah* – буквально: «обладающий хорошим словом», и сопоставляя это с теорией божественного происхождения священного слова, общей для Индии и Ирана, согласно которой индивидуум причастен ко вселенскому противостоянию Истины, Справедливого Порядка (вед. **Rta-**, иран. **Arta**) и Обмана, Лжи (вед. **Druh-**, иран. **Drug**). Добавим, что сложные существительные с облагораживающим присоединением **su-* являются архаичными, поскольку существуют в других древних языках точные эквиваленты или слова, полностью совпадающие с ними и по своему морфологическому составу (санскрит. *suvasas-*, греч. *ὕλης*), или абсолютно идентичные в смысловом отношении словосочетания (ав. **vacah hūxta-**, санскрит. **vācas sūktá-**), с одной стороны, и что, с другой, – анализируемое наименование принадлежит к знаменитой триаде «мысль – слово – (откуда и) дело», одной из наиважнейших триад, поскольку ее перформативная концепция подтолкнула носителей индоевропейских языков к

тому образу действия, который привел к распространению этих языков в значительной части мира. Эта триада, четко прослеживающаяся в авестийском (напр., *Yasna* 12, 8: «я воздаю хвалу праведной мысли, я воздаю хвалу праведному слову, я воздаю хвалу праведному делу»), существует и в других языках: так, для нас она сходна с *membra disjecta* в греческом языке, а именно: в антропонимах, таких, как Εὐμένης, Εὐέλτης, Εὐέργος, или в копулятивных сложных существительных, объединяющих указанные понятия попарно, Ἐπιμένης, «Слова (и) Мысли)», Ἐργαμένης, «Дела (и) Мысли», где содержатся лексемы, родственные *humatəm... huxtəm ...hvarstəm* (**men- wek- werg-*) из текста, процитированного выше в переводе. Следовательно, «святой» может быть определен по своим праведным речам (мыслям, делам, в силу лингвистического включения).

Отталкиваясь от *Waciamongæ*, Ф. Корнильо подводит свой анализ к *Nartamongæ*, видя в наименовании Нартов также форму с начальным усечением, совпадающим – в составе сложных существительных на *su со вторым членом, родственным наименованию «человек» (авест. *nar-* и т.д.), – с авест. **hunar-*, предполагающимися абстрактными существительными *hunara-* и авест. *hunaiätāt-* («Können, Kunst; Kunstfertigkeit, Geschicklichkeit; Tüchtigkeit, persönlicher Wert», Bartholomae, с суффиксом, идентичным суффиксу в греч. ἀνδρότης-); и здесь снова это слово **hunar-* является ар-

хаичным, рядом с санскрит. *sūnāra-* («schön, jugendlich schön, Jüngling, junger Sohn», Grassmann), греч. Εὐήνωρ. С учетом сказанного вполне правдоподобно звучит предположение, что в основе *Nartamongæ* лежит *hunarθā-āmānaka-*, «(кубок), предназначенный *hunarté* (~добродетели)», по аналогии с **huwācyā-āmānaka-* > *Waciamongæ*, «(кубок), предназначенный словесной правдивости», как об этом говорит Ф. Корнильо.

Далее следует статья Agustí Alemany, «Аланское название *Bayātar*», где автор, не высказываясь определенно о происхождении, тюркском или аланском, названного слова, изучает его филологическое употребление в текстах.

Затем Yuri A. Dzittoity в работе под названием «Ossetic *fydaz* and Oprs. *dušiyāra*» рассматривает в приложении к осетинскому языку то, что нам известно о «триадах бедствий» по текстам Ирана и Индии, равно как и через другие тексты (напр., «Труды» Гесиода, 225-47, с примечанием Мазона, который дает другие случаи темы в греческом языке; к тому же, можно было бы при помощи этой темы истолковать историю женихов в Одиссее (*Männerbund*), проедающих добро Улисса и посягающих на супружескую и монархическую законность).

Предпоследняя статья первой части этого журнала – статья Давида Тестена (David Testen) «The Amyrgian Scythians and the Achaemenid Empire», в которой дается этнониму, переводим-

мому на греческий в виде 'Αμόργιοι и звучащему по-ирански **haumavargā**, толкование через ***hauN- arg V-tā** – «приносители даров». Не исключены и другие возможности: можно представить это в виде **kenning'a** («лингвистической загадки») со вторым членом, родственным второй части в греч. Αυκοῦργος и древнеисладскому **vargr** «волк; злодей», **varg-ulfr** «оборотень» («который опустошает сому» /«вор пищи богов», в конце концов/).

И в заключение Т. Н. Пахалина свои «Скифско-осетинские этимологии посвящает изучению двух других этнонимов: **Chorsari**, скифское наименование персов (Плиний), в котором она видит «обожателей огня», сложное существительное со второй частью **sari**, «поклоняющийся», и первой – **xor**, «солнце» > «огонь»; **t/dwal-**, наименование осетин, населяющих верховья реки Ардон на северном склоне Кавказа, по сведениям Абаева, которое для Т.Н. Пахалиной является древнеиранским существительным изначально со значением «группа людей одной крови, клан».

Пишущая эти строки особенно признательна издателям **Nartamongæ** за то, что вторая часть первого номера журнала – это дань памяти Эмиля Бенвениста в связи со столетием со дня его рождения. Она содержит:

– некролог, посвященный великому лингвисту (которому было только 27 лет, когда появилось его сочинение «*Essai de grammaire sogdienne*»), опубликованный Жильбером Лазаром и мною, Франсуазой Бадер, в

«Annuaire de l'Ecole Pratique des Hautes Etudes (Ежегоднике Практической Школы Высших Исследований)» (1975);

– рецензия на бенвенистовские «Исследования по осетинскому языку», написанная Куриловичем, великим польским лингвистом, который всю свою жизнь был другом Бенвениста, начиная с того момента, как они одновременно оказались учениками Мейе;

– и одно неизданное письмо, адресованное Бенвенистом 22 апреля 1960 года Абаеву: все те, кто, как и я, знали его почерк, будут взволнованы, когда обнаружат его подпись под этим письмом.

Нелишне заметить, что дань памяти Бенвениста в журнале **Nartamongæ** – единственно существующий на сегодняшний день акт чествования великого лингвиста по случаю его столетия. Конечно, об этом можно только сожалеть; но то, о чем ни в коем случае сожалеть не стоит, так это о том, что юбилейное посвящение фигурирует в журнале отчасти русском, поскольку, в конце концов, родители Э. Бенвениста, Матиас Бенвенист из Смирны и Мари Малкенсон из Вильны, поженились в Одессе.

Журнал, которому сейчас, в январе 2003 года, я желаю долгих лет жизни, завершается подборкой нартских сказаний, переведенных на английский Уолтером Мэйем.

Франсуаза Бадер, Е.Р.Н.Е. IV
4, Avenue de Villiers, 75017 Paris

Le 21 novembre 2002 a vu naître une nouvelle revue d'iranologie, la *Revue d'Etudes Alano-Ossétiques* avec en sous-titre: *Epopée, Mythologie et Langage*, et comme nom d'identification première *Nartamongæ* qui désigne en ossète la coupe magique de la célèbre épopée des Nartes. Les fondateurs de cette nouvelle revue sont, par suite d'une collaboration franco-russe, F. Cornillot, spécialiste du monde slave et créateur d'une revue appelée *Slovo*, et pour la partie russe, Vitali Gusalov, directeur du "Centre Abaev pour les études scytho-alaniques" de Vladikavkaz.

La revue se propose de couvrir tout le domaine culturel et religieux des Alains, Sarmates, Ossètes, Scythes ou Sakas, autrement dit des civilisations nomades de l'Eurasie. Le comité scientifique comprend des savants français (F. Bader, G. Charachidzé, J. Kellens et G. Lazard) et russes (G. Gamzatov, A. Lubotsky et Y. Vorotnikov). Deux fascicules annuels sont prévus.

La publication des *Mélanges Abaev* (dans la Serie Orientale Roma vol. 82, 1998) fut un prélude à cette entreprise, ardemment souhaitée par Abaev lui-même, le maître des études ossètes auquel on doit le grand dictionnaire de la langue. D'autres savants, malheureusement disparus comme I. Gershevitch et R. Emmerick, avaient appelé de leurs vœux l'émergence d'une semblable revue.

Ce premier numéro comprend trois parties: la première, comprenant sept articles, est consacrée à la linguistique et commence par la réédition d'un article synthétique d'Abaev, «The Ossetes: Scythians of the 21st century» (p. XI-XXXVI), dans lequel l'auteur a mis en évidence les différents aspects de l'épopée de Nartes en ses quatre cycles: la fonction et l'identité des principaux héros de cette fameuse saga, les liens entre le totémisme et le matriarcat, le caractère à la fois mythique et historique de l'épopée, les données sociales et culturelles de ce peuple de guerriers avide de prouesses, mais aussi de réjouissances et de banquets, cruels mais généreux, sans oublier les voyages dans l'au-delà de type chamanique¹.

Le second article, de la plume de D. Rayevsky, «Scythian Cultural Clichés: Aspects of Interpretation», détermine la signification d'un passage d'Hérodote relatant deux histoires de princes scythes d'Olbia, en montrant ingénieusement que les 28 années de la domination scyth selon l'historien grec ne sont pas à prendre comme une donnée historique mais s'expliquent par les différentes séquences de la vie des Ossètes qui, de 17 à 45 ans, d'où le

---

¹ Je ne sais pourquoi l'anglais *sword* "épée" a été transformé à maintes reprises (p. XXIII, XXV, XXXII) en *sward*?

chiffre de 28, sont aptes à faire la guerre, mais pas au-delà.

Dans une longue étude sur «les racines mythiques de l'appellation des Nartes (p. 11-76), F. Cornillot, partant du théonyme *Wastyrdži* qu'il analyse comme contenant *wāc-*, et se basant sur ses études publiées dans *Slovo*² qu'il est difficile de rennet en quelques phrases, s'appule sur l'aphérèse scytho-sace, et fait venir *wāc-* d'un ancien **hu-wacah-* «qui possède la parole droite», dont le sens est beaucoup plus fort que celui qu'il a en avestique lorsqu'il est associé à la «bonne parole», la «bonne pensée», la «bonne action». Le terme découle donc d'une véritable «théologie de la Parole et de la Vérité», incluse dans les mots parallèles de *Waciamongæ* «la (coupe) destinée à la bien-disance» et *Nartamongæ* «la (coupe) destinée à la qualité de compétent, de capable». Enfin un troisième terme, *Ærdamongæ* «le (chaudron) destiné à la rectitude» (<**arta-*) complète cette série qui s'inscrit bien dans le thème de la droiture vs. le mensonge (*drauga-*) de l'Iran ancien.

L'article de A. Alemany sur le «titre alain de **Bagātar*» tend à montrer l'origine khazar (langue turque disparue) de ce titre décerné aux rois alains. Yu. Dzitsoity, «Ossetic *fydaz* and OPers. *dušiyāra-*», utilise les données de l'épopée des Nartes pour insérer cette notion de «mauvaise récolte» ap-

partenant à la troisième fonction dans le cadre général de la tripartition fonctionnelle et sociale des Indo-Européens. D. Testen propose une nouvelle étymologie pour les Scythes *Amourgiens* qu'il interprète comme des «porteurs de dons», alors que le premier élément de ce composé était compris jusqu'ici comme désignant le *hauma*. Enfin T.N. Paxalina (en russe) s'intéresse à l'étymologie de deux mots: scythe *chor-sari* «gardien du feu», et ossète *t/dwal* d'origine iranienne réfère à un «petit groupe de gens».

La seconde partie (p. 107-132) constitue un hommage à Émile Benveniste à l'occasion du centenaire de sa naissance. Trois auteurs y contribuent: Fr. Bader souligne les richesses de sa carrière, tôt écourtée par un grave accident de santé en 1969, en mettant l'accent sur ses travaux de philologue et de comparatiste dans le domaine de l'indo-européen, ses recherches sur le hittite et la grande diversité des langues auxquelles il se consacra, puis son intérêt prédominant pour la linguistique générale. Elle regrette aussi que ses cours ne suffisent pas à nous faire connaître les livres qu'il n'eut pas le temps d'écrire, et les idées qu'il sema tant à l'ÉPHÉ qu'au Collège de France. G. Lazard s'attache à montrer l'oeuvre de Benveniste comme linguiste et philologue du domaine iranien (notamment sogdien et ossète) auquel Meillet l'avait orienté, et dans lequel il fut le plus actif, et évoque surtout les travaux du linguiste généraliste que fut aussi Benveniste, qui a largement innové et amorcé la nouvelle science de la

---

² «L'aube scythique du monde slave», 1994; «Le feu des Scythes» en plusieurs articles.

sémiotique, devenant le premier président de l'Association Internationale de Sémiotique, et publiant un article dans le premier fascicule de l'organe de cette association, *Semiotica*. Enfin une recension des *Études sur la langue ossète* par J. Kurylowicz est évidemment bien à sa place dans une revue d'ossétologie.

La troisième partie (p. 133-168) est formée d'une traduction anglaise par Walter May de passages de l'épopée des Nartes dans lesquels on trouvera des bases textuelles pour l'analyse d'Abaev dans le premier article.

S'il m'est permis de faire une petite remarque, je souhaiterais que les articles

des prochains volumes soient précédés³ d'un résumé, soit français-russe pour un article en anglais, soit russe-anglais pour un article en français, comme c'est l'usage aujourd'hui dans toutes les revues scientifiques. Quoi qu'il en soit, souhaitons à cette nouvelle revue, qui n'est pas de trop pour compléter les recherches dans le vaste domaine eurasiatique, succès et longue vie, la magie de son titre ne pouvant que lui promettre un bel avenir!

Ph. Gignoux (E.P.H.E., Paris),
STUDIA IRANICA 2003, N 32

---

³ Non pas suivis comme le fait Cornillot qui de plus fournit un résumé beaucoup trop long (sept pages!) de sa longue étude. Aussi bien faudrait-il peut-être une politique plus cohérente dans les titres, la page de gauche en français-ossète, et celle de droite en anglais-russe pouvant être simplifiées en français et russe uniquement, puisque la revue résulte d'un consortium franco-russe. Je pense qu'il n'est pas normal que les indications d'abonnement, de l'édition, du comité et de la table des matières p. IV-VI soient seulement en anglais, sinon à reconnaître que le français n'a plus sa place, même à Paris.